

Иоахим Гофман

«РУССКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ»

ПРОТИВ СТАЛИНА

Иоахим Гофман

**«Русская освободительная
армия» против Сталина**

«Издательство АСТ»

2014

Гофман И.

«Русская освободительная армия» против Сталина / И. Гофман —
«Издательство АСТ», 2014

Книга посвящена одному из самых сложных и противоречивых сюжетов новейшей истории нашего Отечества: участию сотен тысяч советских граждан в войне 1941–1945 гг. на стороне нацистской Германии. Среди них были представители всех народов СССР, однако в массовом сознании проблема коллаборационизма в нашей стране связывается прежде всего с именем бывшего советского генерала Андрея Власова и с возглавлявшейся им «Русской освободительной армией». Автор – историк Иоахим Гофман – крупнейший из специалистов по антисоветским вооруженным формированиям из представителей различных народов СССР в годы Второй мировой войны. Позиция Гофмана является крайностью, противоположной другой – огульному объявлению всех коллаборационистов военными преступниками, предателями и изменниками Родины. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей России и Великой Отечественной войны.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предварительные замечания к новому изданию 2003 г.	8
1	18
2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иоахим Гофман

«Русская освободительная армия» против Сталина

Оригинальное издание «Die Tragödie der “Russischen Befreiungsarmee” 1944/45: Wlassow gegen Stalin», опубликованное в 2003 г., печатается с разрешения издательства F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, München.

www.herbig.net

© F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, München, 2003

© «Издательство АСТ», перевод на русский язык

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемая вниманию российского читателя книга посвящена одному из самых сложных и противоречивых сюжетов новейшей истории нашего Отечества. Речь идет об участии сотен тысяч советских граждан в войне 1941–1945 гг. против своих соотечественников на стороне нацистской Германии. Среди них были представители всех народов СССР, однако в массовом сознании проблема коллаборационизма (т. е. сотрудничества с врагом) в нашей стране связывается прежде всего с именем бывшего советского генерала Андрея Власова и с возглавлявшейся им «Русской освободительной армией» (РОА), сформированной из военнопленных красноармейцев и иных лиц, вольно или невольно перешедших на службу к немцам.

Автор – западногерманский историк Иоахим Гофман (1930–2002) – по праву считается одним из крупнейших специалистов по теме антисоветских вооруженных формирований из представителей различных народов СССР в годы Второй мировой войны. После издания обстоятельных работ о калмыцких частях и легионах из представителей тюркских и кавказских народов Гофман обратился к истории генерала Власова и возглавляемого им движения, затронув не только его военные, но и идейно-политические аспекты. Автор ввел в научный оборот огромный массив документов из немецких архивов и, тщательно анализируя их данные, подробно рассмотрел процесс оформления в последние месяцы войны «Русской освободительной армии» в самостоятельную структуру и судьбу ее формирований. Большое внимание уделено роли пропаганды и осмыслению феномена «власовщины» в СССР в послевоенные годы.

Само собой разумеется, определяющее влияние на позицию автора оказала эпоха холодной войны, когда на Западе доминировало подогреваемое пропагандой отношение к Советскому Союзу как к «империи зла». Кроме того, находясь на государственной службе, автор выполнял определенный социальный заказ. Поэтому ничего удивительного нет в том, что сотрудничество советских граждан с немцами Гофман называет «освободительной борьбой», массовый характер этого явления объясняет сознательным выбором участников антисоветских формирований, а движение генерала Власова рассматривает как «третью силу» Второй мировой войны. «Это движение, – пишет Гофман, – было опаснейшим вызовом советскому режиму и вполне достойно занять почетное место в истории России».

Позиция Гофмана является крайностью, противоположной другой крайности – огульному объявлению всех коллаборационистов военными преступниками, предателями и изменниками Родины. В действительности же в истории генерала Власова и его армии все было гораздо сложнее. В рядах РОА оказались самые разные люди – идеалисты, искренне верившие в справедливость своей, как они считали, «освободительной борьбы», пострадавшие от советской власти и руководствовавшиеся прежде всего чувством личной мести, приспособленцы-шкурники, стремившиеся в любой ситуации добиться материальной выгоды, и, наконец, те, для кого главной задачей было просто выжить. Власовское движение (если вообще можно назвать это явление движением, скорее – стихийный процесс) – действительно было вызовом режиму, однако в конкретных исторических условиях оно не имело шансов на успех, поскольку залогом этого успеха была исключительно воля нацистского фюрера, чьи взгляды на будущее России оставались неизменными на протяжении всей войны. При таком раскладе деятельность генерала Власова и его армии, хотели они того или нет, сводилась до роли орудия немецкой пропаганды и пушечного мяса для вермахта.

Как бы то ни было, книга Гофмана – один из взглядов на проблему, игнорировать который было бы неуместно. Тем более что по объему фактической информации этому труду пока нет равных. Надеемся, что российский читатель, критически подойдя к прочтению книги немецкого историка, сумеет составить объективное представление об этой трагической странице нашей не столь давней истории и сделать правильные выводы.

С.И. Дробязко,
кандидат исторических наук

Предварительные замечания к новому изданию 2003 г.

Как и моя работа «Истребительная война Сталина 1941–1945 гг.» (Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945), данный труд посвящен ключевой проблеме германско-советской войны. Более того, эта книга, возможно, взволновала умы в России вплоть до наших дней еще глубже, чем изложение подготовки Сталина к нападению и методов истребительной войны, которую он в итоге вел. Поставленный Александром Солженицыным вопрос о том, как могло случиться, что сотни тысяч, быть может даже миллион, советских солдат и советских граждан участвовали в войне, которая прославлялась как «Великая» и «Отечественная», на стороне смертельного врага, проклятого фашизма, именно в борьбе против своего «социалистического Отечества», настоятельно требовал ответа. Попытка замолчать эту тему не удалась точно так же, как стремление, проявленное в 1946 г. и вновь повторенное в 1973 г., представить ее как уголовное дело, как сугубую проблему советского правосудия. Масштабы оказались слишком велики. Зарубежные публикации, находившие путь в Советский Союз, приводили к тому, что слухи возбуждались вновь и вновь. Укажем лишь на публикации Стеенберга (1968), Штрик-Штрикфельдта (1970) и Казанцева (1973) в Германии, Позднякова (1972 и 1973) и Кромиади (1980) в США и многие другие. Тревогу вызвало основательное исследование эмигрировавшего в США бывшего чешского офицера Станислава Ауского (1980) об освобождении города Праги частями Власовской армии.

В 1984 г. Исследовательский центр бундесвера по военной истории (Militärgeschichtliches Forschungsamt, MGFA) выпустил первое, а в 1986 г. второе издание моей «Истории Власовской армии» – публикацию, которая была основана на архивных материалах и уникальных подлинных документах и тотчас вызвала всеобщий интерес. Вскоре во многих германских и зарубежных периодических изданиях появились благожелательные отклики, из которых выделим некоторые: публикации Екатерины Андреевой, которая готовилась защитить в 1987 г. в Кембридже диссертацию «Власов и Русское освободительное движение», в «Soviet Studies» (Великобритания, 3/1985); Эрла Ф. Цимке в «The American Historical Review» (4/1985); Лоуренса Д. Стокса, который вопреки оговоркам идеологического характера оценил работу как «глубокую монографию» (well researched monograph), в «German Studies Review» (США, май 1985); Ральфа Георга Рёйта во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (25.5.1985); Романа Днепровца в ведущей русской газете США «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 21.11.1985); Андреаса Хильгрубера в «Historische Zeitschrift» (240/1985); Ф.Л. Карстена в «The Slavonic and East European Review» (Великобритания, 1/1986); Гордона А. Крейга, назвавшего книгу «наиболее исчерпывающим отчетом о Власовском движении до настоящего времени», в «The New York Review» (24.11.1988), а также рецензии в других изданиях – например, заметку барона Г. фон Фогельзанга в «Liechtensteiner Vaterland» (11.10.1984).

Не явились исключением и военные периодические издания, как видно из рецензий Петера Бручека в «Truppendienst» (Вена, 1/1985); Хайнца Магенгеймера в «Österreichische Militärische Zeitschrift» (2/1985); Петера Гоштони в «Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift» (6/1985), оценившего книгу как «превосходную работу»; Отто Мюнтера в «Euro-päische Wehrkunde/Wehrwissenschaftliche Rundschau» (6/1985) и других, например, заметок в «Truppenpraxis» (Бонн, 4/1985), «Bundeswehrverwaltung» (Бонн, 4/1985), «Information für die Truppe» (Бонн, 1/1986). Профессор д-р Жозеф Рован из парижской Сорбонны, в прошлом участник французского Сопrotивления и узник концлагеря Дахау, 2.8.1985 г. направил мне признательное письмо.

Весной 1987 г. со мной связался д-р Джекоб В. Кипп, ведущий аналитик в Отделе по изучению Советской Армии (Soviet Army Studies Office, SASO) Объединенного военного центра штаба сухопутных сил США в Форт-Ливенворте (H.Q. U.S. Army Combined Arms Center

and Fort Leavenworth). Он, как и Майкл Бриггс из Канзасского университета, выразил свой «большой интерес» к переводу моей книги на английский язык с предисловием Александра Солженицына. Одновременно в США предполагалось подготовить и русский перевод, т. к., по мнению этого учреждения Министерства обороны, моя книга касалась одной из «самых критических проблем современной войны», и она представляла собой, как сказано, «важный вклад в историю Второй мировой войны, в особенности боев на Восточном фронте».

Незадолго до этого «Вече. Независимый Русский альманах», издаваемый в Мюнхене Российским национальным объединением, опубликовал в т. 22 (1986) иллюстрированную статью объемом более 70 страниц. Под заголовком «Страшная правда» и посвящением «Вечная слава» главный редактор Олег Красовский подробно ознакомил русских читателей с содержанием моей книги. Эта статья, еще раз напечатанная в «Вече» (33/1990), периодическом издании, которое не только читалось русской эмиграцией во всем мире, но и неофициальными путями доходило до Советского Союза, должна была произвести на КГБ впечатление прямого вызова.

Впервые достаточно широкая публика получила из книги, основанной на документах, представление о возникновении, развитии и гибели Русского освободительного движения. При этом для Красовского было немаловажно указать на то, что речь идет об официальной публикации, об издании Исследовательского центра бундесвера по военной истории, не о книге, основанной преимущественно на жизненном опыте автора, как бывало до сих пор, а о работе непредвзятого историка, которому нужно было на основе сохранившихся свидетельств сформировать собственное мнение. Переданная таким образом картина привлекла особое внимание русской читательской публики. И Красовский счел себя обязанным высказать в заключение автору свою благодарность, завершив публикацию словами: «Немецкий историк воздвиг своим произведением великолепный памятник Русскому освободительному движению. Он бросил яркий свет на фигуру вождя этого движения Андрея Андреевича Власова, почтил память его ближайших соратников и жертвы бесчисленных русских героев-мучеников, павших в отчаянной и самоотверженной борьбе за свободу своего Отечества. Большое русское спасибо ему!» Из этих слов становится ясно, что было не просто описано историческое событие, но что здесь налицо тема, которая должна была глубочайшим образом затронуть чувства русского читателя.

Оценка Олега Красовского в «Вече» привлекла к себе интерес жившего в Кавендише (штат Вермонт, США) Александра Солженицына, который в своем монументальном труде «Архипелаг ГУЛАГ» высказался о Власове, причем так, что вызвал припадки ненависти в Советском Союзе. Так, начальник Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-лейтенант П.А. Жилин счел нужным опубликовать в государственном органе «Известия» 29.1.1974 г. ругательную статью против лауреата Нобелевской премии, которую озаглавил «Как А. Солженицын воспел предательство власовцев». «Предательство» – за пределы этого понятия советские коммунисты так и не вышли никогда.

В письме от 12.4.1987 г. Александр Солженицын от имени русских читателей поблагодарил меня за то, что я, «введя содержательный материал», бросил «свет на этот мало исследованный период русской истории». Одновременно он предложил мне издать мою «Историю Власовской армии» в дорогой ему исторической серии ИИРИ (Исследования новейшей русской истории) в качестве первой работы нерусского автора. Это русское издание «Истории Власовской армии», переведенное в США Е. Гессен, вышло в «домашнем» издательстве Солженицына, парижском ИМКА-Пресс, в 1990 г. в качестве т. 8 указанной серии. В распадающемся Советском Союзе оно встретило необычайный прием.

Уже за год до этого тогдашний заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, генерал-полковник профессор Д. Волкогонов в своей известной работе о Сталине «Триумф и трагедия» коснулся моей «Истории

Власовской армии», хотя еще очень критично. Волкогонов придерживался иного мнения и, возможно, должен был его придерживаться в связи с еще недостаточным знанием предмета. Но в ряде бесед в июне 1990 г. во Фрайбурге он все же высказал мне свое удовлетворение, что я осветил эту тему со своей точки зрения, поскольку, как он подчеркивал, должны существовать различные мнения.

В Советском Союзе власовская проблема угрожала в определенной мере выйти из-под контроля. Вскоре после появления моей книги выступил соответствующий специалист Л. Безыменский, выдаваемый за профессора, который приобрел известный вес в ФРГ как политический агент влияния КГБ, но в значительной степени вновь утратил его, провинившись в грубых оскорблениях и доказуемо ложных утверждениях. Поскольку «власовскую» тему поначалу еще нельзя было превращать в предмет для обсуждения, Безыменский принялся оскорблять лично меня, автора неугодной книги. Он опубликовал в еженедельнике «Новое время» (2/1985 и 11/1986), в то время еще связанном с КГБ и московским Министерством иностранных дел и издававшемся на 9 языках, две статьи, которые превосходили по низости все доселе появлявшееся и в которых он угрожал мне прямо-таки новым «Нюрнбергом» за мои служебные публикации о советском противнике по войне в т. 4 труда о мировой войне «Нападение на Советский Союз» (*Der Angriff auf die Sowjetunion*), изданного MGFA. Безыменский не постеснялся даже связать меня с достойным сострадания снимком останков молодой партизанки Зои Космодемьянской. Как он писал, мне следовало бы еще раз повторить публично мою «постыдную ложь» на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Всякие тормоза были отброшены.

В 1989 г. подполковник Н. Колесник в академическом журнале «Проблемы Дальнего Востока» (6/1989), издаваемом на нескольких языках, назвал «Власовскую армию» «одной из самых черных страниц в истории войны» и скопищем «фашистских лизоблюдов». Колесник, писавший по официальному поручению Института военной истории Министерства обороны СССР, ощутил в моей «часто цитируемой истории Власовской армии» особый вызов для себя, тем более что он считал меня «ведущим историком Центра по военной истории бундесвера».

Попытки унижить Власовскую армию любым возможным способом, предпринятые им даже в столь далеких от темы журналах, как «Сельская новь» (8/1990), имели результатом, как он признавал, сотни читательских писем, сообщавших о сомнениях в его объяснениях и вообще в официальной версии. Чтобы заставить замолчать всех сомневающихся, а также с учетом периода разоблачений, начавшегося в Советском Союзе, Колесник получил теперь официальное задание. На этот раз он должен был «документально», так сказать, неопровержимо, доказать, что в случае с «генералом Власовым и Власовской армией» имела место не идейная, т. е. вроде бы оправданная оппозиция «сталинскому режиму», а исходящая из низменных личных побуждений измена «родине», а именно сталинскому Советскому Союзу.

С этой целью в 1990 г. в публику была заброшена массовая брошюра с необычным даже для советских условий тиражом в 300 000 экземпляров и многозначительным названием «РОА – Власовская армия. Судебное дело А.А. Власова». Какие же документы имелись в распоряжении Колесника для этого «доказательства», подчеркнуто направленного в качестве контр-сочинения против моей книги? Об этом свидетельствует уже заголовок. Это были, во-первых, выдержки из протоколов тайного процесса 1946 г. против Власова и других высших офицеров Освободительной армии перед Военной коллегией Верховного Суда СССР во главе с обогранным кровью генерал-полковником юстиции В.В. Ульрихом. Во-вторых, это было известное выступление Гитлера 3.6.1943 г. перед командованием сухопутных войск на Востоке, где он резко возразил против почти единодушного стремления своих генералов к военному сотрудничеству с русскими. Да, эти высказывания были показательны для образа мыслей Гитлера и свидетельствуют о том, почему он должен был потерпеть поражение в России. Но они не имели отношения к Власовской армии, которая вообще появилась на свет лишь во второй половине 1944 г., и не касались содержания моей работы. Для своих утверждений Колесник в преврат-

ном виде и без указания источника воспользовался моими конкретными данными, которые он искажил, а также без разрешения позаимствовал из книги 12 моих иллюстраций.

Попытка унификации общественной мысли с помощью брошюры Колесника не достигла своей цели. Чтобы лишить опасного воздействия мою «Историю Власовской армии», доступную с благоволения Солженицына теперь и на русском языке, были мобилизованы два известных авторитета в области сталинской апологетики: главный военный прокурор Советской Армии, генерал-лейтенант юстиции А.Ф. Катусев и член редколлегии официального советского военного журнала, капитан 1-го ранга В.Г. Оппоков. Их задача состояла в том, чтобы еще убедительней, чем это сделал А.В. Тишков в 1973 г., доказать «преступный характер» Власовской армии. Под предлогом ответа на читательское письмо «ветерана Великой Отечественной войны», который спрашивал, «не знали ли все же власовцы, быть может, правду о Сталине и не хотели ли они убедить нас в этом, а мы тогда этого не поняли», они опубликовали в ведомственном «Военно-историческом журнале» (ВИЖ, 6/1990) статью объемом не менее 15 страниц под столь же неправдивым, как и злобным заголовком: «Иуды. Власовцы на службе у фашизма».

Столь большое внимание к неудобной теме со стороны официального органа Министерства обороны СССР («За нашу советскую Родину») имело достаточные основания. Ведь эта статья должна была явиться ответом на мою книгу «История Власовской армии». Именно в те дни, 29.6.1990 г., биограф Сталина, генерал-полковник профессор Волкогонов настоятельно предупредил меня о явно сталинистском характере этого ведущего военного журнала Советского Союза.

Два автора стремились дискредитировать генерала Власова и других руководителей Освободительной армии, которые были казнены 26.8.1946 г. в московской Таганской тюрьме¹, как борцов за свободу своего российского Отечества, и они еще более подчеркнуто, чем до сих пор, изображались на основе материалов суда как чистые уголовники. Какие для этого пришлось использовать средства, видно с самого начала, по фотографиям 12 обвиняемых московского инквизиционного процесса после их обработки в пыточных подвалах организации «СМЕРШ» («Смерть шпионам!»), Главное Управление контрразведки), где они засняты как преступники, в профиль и фас – странный аргумент в журнале все-таки историографического характера. Аналогичными методами пользовалось когда-то и кадровое управление СС (SS-Nauptamt) в своей пресловутой брошюре «Недочеловек» (Der Untermensch) – следует, однако, добавить, что имелся в виду «большевистский», а не «русский» недочеловек, как неверно утверждается до сих пор.

На эту юридическую статью в «ВИЖ», которая в целом должна была служить даже терминологическим образцом, я со своей стороны ответил в альманахе «Вече» (39/1990), доступном теперь и в России, напечатанным в приложении «Открытым письмом» генерал-лейтенанту юстиции Катусеву и капитану 1-го ранга Оппокову, снабженным еще и предисловием издателя Олега Красовского, которое он увязал с полной перепечаткой своей статьи «Страшная правда» под заголовком «Русское освободительное движение». Сталинистски настроенная редакция «Военно-исторического журнала» во главе с В.И. Филатовым была вне себя.

Слово вновь получили Катусев и Оппоков, чтобы, как было сказано, дать достойный отпор «этому господину доктору Иоахиму Гофману из Фрайбурга (Германия)». С этой целью они опубликовали в «ВИЖ» (1/1991) на целых 11 страницах (с объявленным продолжением), в конечном итоге, все же вымученную концепцию, снабженную в пику моей книге «История Власовской армии» программным заголовком «История власовского предательства» – знак того, как должна была восприниматься моя книга в России и с какой стороны она их занимала.

¹ Казнь состоялась в ночь на 1 августа 1946 г. во дворе Бутырской тюрьмы. См.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. СПб., 2001. – С.117. (Подстрочные примечания здесь и далее – редактора.)

Два автора сразу же вызвали недоверие к себе, ложно утверждая, чтобы опровергнуть этого «господина Гофмана», что на московском тайном процессе 1946 г. председательствовал вовсе не пресловутый генерал-полковник В.В. Ульрих, а генерал-майор юстиции Ф.Ф. Каравайков, который, возможно, и принадлежал к Военной коллегии, но не в должности председателя. Им же, как открыто сообщает и Колесник (с. 37), был именно тот Ульрих, который сам хвастливо утверждал, что во время Большой чистки велел расстрелять десятки тысяч офицеров и политработников Красной Армии. Разумеется, имя этой обгащенной кровью фигуры не должно было связываться с процессом, проведенным с позиций высокой морали. Два автора заверили с вымученной иронией, что не желали бы раздражать «господина Иоахима Гофмана», но хотели бы все же скромно заметить, что предварительное следствие перед процессом Власова вел вовсе не НКВД, а военная контрразведка СМЕРШ во главе с В.С. Абакумовым, что вполне возможно. Но ведь методы были те же самые, а генерал-полковник госбезопасности Абакумов был близким доверенным лицом народного комиссара Берии. Следует также знать, что, например, таинственные спецчасти в Красной Армии с июля 1941 г. подчинялись вовсе не оборонному ведомству, а Народному комиссариату внутренних дел, т. е. Берии.

Прочие аргументы также были обречены на неудачу, поскольку Катусев и Оппоков по некомпетентности приходили к неверным выводам. Так, приведенное ими распоряжение № 5000 Главного командования сухопутных войск от 29.4.1943 г. касалось вовсе не Власовской армии (Вооруженных сил Комитета освобождения народов России), которая появилась только в 1944 г., а лишь существовавших в то время так называемых «восточных войск» (Osttruppen), т. е. добровольческих частей под германским командованием (но с русскими и «туземными» офицерами), а также добровольных помощников в германских частях. Лишь в качестве совокупного названия всех добровольцев русской национальности на германской стороне в 1943 г. был введен термин «РОА». Соответственно отличалась и процитированная форма присяги из распоряжения № 5000 от формы, затем реально введенной в Вооруженных силах, с обращением к личности главнокомандующего генерала Власова, хотя в одной фразе имелась ссылка на союзническую верность Германии.

А что касается высказываний Власова после его пленения 15.7.1942 г. (18-я армия) и 8.8.1942 г. (советнику посольства Хильгеру), то они по своей прямоте были аналогичны высказываниям и других пленных советских генералов, в частности столь высокочтимого в Советском Союзе командующего группой войск 16-й, 19-й, 20-й, 24-й, 32-й армий, генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, проявившего особую общительность.

Подобно генерал-лейтенанту Власову и другим генералам, генерал-лейтенант Лукин также высказался за формирование политической базы, создание «соответствующего русского центра», Национального комитета или правительства в изгнании в качестве предпосылки для начала борьбы против Сталина. Оба генерала равным образом выступили против германских планов превращения России в колонию или протекторат и, более того, потребовали восстановления и признания российского государства на развалинах Советского Союза².

Кроме того, что должно означать обвинение, будто Власов разоблачил «сенсационную тайну Москвы», «подготовку нападения Советского Союза на Германию»? Катусев и Оппоков,

² Объективности ради процитируем протокол допроса генерала А.А. Власова, полковника В.И. Боярского и полкового комиссара И.Я. Кельнерса от 8.8.1943 г., составленный бывшим советником германского посольства в СССР Г. Хильгером: «Я недвусмысленно сказал советским офицерам, что мне непонятен ход их мысли. За последние сто лет Россия проявила себя как постоянная угроза для Германии, независимо от того, была ли она царской или большевистской. Возрождение собственной русской государственности на основах великорусских притязаний противоречило бы германским интересам. Советские офицеры возразили, что между самостоятельным русским государством и колонией можно найти различные другие решения, как, например, доминион, протекторат или подзащитное государство с временной или постоянной немецкой военной оккупацией. Сейчас решающее значение имеет вопрос, существует ли возможность освободить русских от представлений о том, что Германия намерена низвести их страну до положения колонии, а их самих превратить в рабов» (Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht. Frankfurt/Main, 1961–1965. Bd.2. Hb.2. S.1287–1290).

кажется, не сознают, что тем самым они, сами того не желая, признали то, что сегодня давно стало несомненным результатом исследований, хотя вновь и вновь отрицается по идеологическим причинам, а именно то, что Сталин готовил наступательную войну против Германии, которую Гитлер со своей собственной наступательной войной опередил лишь ненамного. К тому же не только из логики «господина Гофмана», как они считают, но и их собственных рассуждений при внимательном рассмотрении вытекает, что Власова следует считать русским патриотом, а не изменником родины.

Как глубоко таилось жало, видно и по публицистической деятельности Л. Решина, научного сотрудника «Мемориального комплекса героев Брестской крепости», которому не давала покоя моя «История Власовской армии». Уже 27.5.1990 г. в государственном органе «Известия» он принялся оспаривать мои основанные на надежных документах данные о добровольном характере и численности Власовской армии и добровольческих частей вермахта в целом. И если генерал армии М.А. Гареев еще с определенной сдержанностью поддержал в «ВИЖ» (4/1991) полемические выпады Катусева и Оппокова, то Решин без обиняков набросился на мою книгу в официальном органе советских Вооруженных сил «Красная звезда».

23.10.1991 г. и 27.11.1991 г. он по поручению Министерства обороны СССР направил против «ведущего исследователя Центра по военной истории бундесвера И. Гофмана» две довольно длинные статьи, в которых попытался, так сказать, потрясти до основания мою «Историю Власовской армии» (ФРГ, Фрайбург, 1986, 2-е издание). Однако его документы были скудны, а просто отбросить доказуемые результаты работы одними диалектическими трюками было невозможно. Существование Русской освободительной армии, организованной против сталинского режима на германской стороне, нельзя было оспорить точно так же, как и тот факт, затрагивающий советский престиж, что город Прага был освобожден именно частями Власовской армии, а не Красной Армии.

В то же время, что и Решин, с результатами исследований «германского историка... профессора Гофмана» полемизировали руководитель коллектива военных историков В. Чернухин в газете «Советская Россия» (5.10.1991) и К. Греков в издаваемой КГБ зарубежной газете «Голос Родины» (27/1991), будучи, однако, не в состоянии ответить на ключевой вопрос о мнимой «измене генерала Власова». Поднятый Солженицыным и повторенный А. Френкиным в «Литературной газете» (13.9.1989) вопрос о том, как стало возможно, что, в отличие от всех предыдущих войн России, внезапно появились сотни тысяч изменников, остался без ответа.

Власовскую проблему, как стало ясно уже в 1973 г., больше нельзя было преодолеть, используя юридические уловки и обзывая Власова иудой. И в России тем временем перед ищущим открылись пути, позволявшие составить себе собственное представление. И как писал читатель Карпов в журнале «Знамя» (11/1989): «Власовщина не такая простая проблема... мы должны заняться ею более обстоятельно и детально». Все крупные газеты в России стали в начале 90-х годов так или иначе касаться темы «Генерал Власов и Русская освободительная армия». Так, Николай Коренюк, который присоединился к моей точке зрения и сослался на результаты моих исследований, опубликовал в многотиражном журнале «Огонек» (40/1990) под заголовком «Трудно жить с мифами» статью на эту тему, вызвавшую широкий резонанс, но, как и я, должен был тем самым навлечь на себя недовольство со стороны генерал-лейтенанта юстиции Катусева и капитана 1-го ранга Оппокова, а также генерала армии Гареева.

В то же время, что и Коренюк, Леонид Млечин опубликовал для читателей международного журнала «Новое время» (43/1990), который к тому времени явно избрал новый курс, столь же обстоятельный, как и объективный, обзор содержания моей книги. Воздействие этой статьи, снабженной и иллюстрациями, еще более усилилось из-за упоминания о том, что книга «директора Научного центра по военной истории (ФРГ)» вышла и на русском языке, в парижском издательстве Солженицына ИМКА-Пресс. Млечин поставил в заключение вопрос, не придет ли теперь на смену «предателю Власову» «патриот Власов», борец против сталинского

режима. Мол, будет осознано, что Сталин был ничуть не лучше Гитлера, что созданный им режим был столь же отвратителен, как и «фашистский».

Редакция «Нового времени», получившая массу читательских писем, а также запросы о парижском издании, была вынуждена заявить, что спор о русской «Освободительной армии» ни в коей мере не завершен, но что изданный во Франции перевод моей «Истории Власовской армии» получить в Советском Союзе невозможно (15/1991). Д-р Поспеловский, профессор русской истории в университете Уэстонтарио (Канада), подытожил тогда спор в письме редакции «Нового времени» (37/1991) заголовком: «Власов боролся не против народа, а против сталинского режима». Мол, он точно так же не был изменником, как генерал де Голль. А газета «Невское время» (19.6.1991) поместила под заголовком «Власовцы – наступает час оправдания?» содержательное интервью с главным редактором альманаха «Русское прошлое» историком Виктором Бортневским, который, как и я сам в моем «Открытом письме» генерал-лейтенанту Катусеву и капитану 1-го ранга Оппокову, провел параллель между генералом Власовым и полковником графом фон Штауффенбергом.

18.1.1991 г. редакция газеты «Вечерний Новосибирск» обратила внимание своих читателей на то, сколь многообразной стала печать в России к тому времени. Конечно, невозможно исполнить все желания, писала газета, но новость, которую она хочет сообщить сегодня, представляет собой «действительно неслыханную сенсацию». В Советском Союзе, как сообщалось, создан «Союз Власовцев» – организация, целью которой является выявление и распространение правды об Освободительном движении народов России во главе с генералом Власовым, не политическая партия, а общественное объединение, готовое принять каждого, кто видит в Андрее Андреевиче Власове патриота и признает его представителем столь же антибольшевистской, как и антифашистской «Третьей силы».

Этот Союз в целях оправдания подчеркнуто сослался в первом номере своего информационного бюллетеня и на мою «Историю Власовской армии», вышедшую годом раньше в Париже, – на работу, как было сказано, «авторитетного немецкого историка», которая теперь легла в основу многочисленных публикаций на тему Русской освободительной армии в России и которую больше нельзя просто отрицать.

Так, Иммануил Левин, член Союза писателей СССР, с которым я поддерживал дружескую связь, в своей достаточно критичной статье о Власове в «Московском комсомольце» (18.12.1991), а также Владимир Абаримов в работе «Из двух зол» (1993) почерпнули из этой книги ряд аргументов. Точно так же надежную опору нашел в ней Борис Соколов, когда он описал в издающейся широким тиражом «Независимой газете» (20.2.1992) власовских солдат как детей русского народа³.

Интерес, который вызвала в России «История Власовской армии», рекомендованная Солженицыным, предоставил различные возможности для публикаций и мне. Редактор издаваемого Академией наук СССР журнала «История СССР», вскоре переименованного в «Отечественную историю», А.В. Юрасовский ознакомился с вышедшим в Париже русским изданием моей книги, которое он получил из США. По его мнению, она явилась «до сих пор единственным подлинно научным исследованием» проблемы Русской освободительной армии. И он предложил мне в июле 1991 г. поместить на страницах представляемого им академического журнала широкий обзор всех «антибольшевистских вооруженных сил» на германской стороне, состоявших из представителей народов Советского Союза, т. е. так называемых добровольческих частей и собственно Власовской армии (Вооруженных сил Комитета освобождения народов России). Он также выразил готовность предоставить мне страницы «Отечественной истории» для дальнейших публикаций – статей, документов или рецензий.

³ Статья Б. Соколова, о которой идет речь, называется «Коллаборационисты – дети советских народов».

Кроме того, Юрасовский интересовался моим мнением о том, как крупные исторические журналы в России – наряду с его изданием, также «Вопросы истории» и прежде всего «Военно-исторический журнал» – освещают проблемы Второй мировой войны. Именно последний орган Министерства обороны СССР вызывал тем временем в России много возражений. И Юрасовский также дал мне знать в июле 1991 г.: о редакторе Филатове и его товарищах «можете писать, что хотите, мы это напечатаем».

Итак, широко задуманное и еще не раз повторявшееся предложение, которое я, однако, по личным причинам, к сожалению, не смог принять. Но редакция «Отечественной истории» в № 4 за 1993 г. напечатала мою статью «Подготовка Советского Союза к наступательной войне 1941 г.», которая в 1997 г. вышла и в Великобритании в рамках официальной публикации под названием «The Soviet Union's Offensive Preparations in 1941». Тем временем именно эта работа, кажется, встретила в редакции определенное сопротивление, ответственный за публикацию член редколлегии даже писал о «крупном скандале» (Lot of scandal), который, к его удовлетворению, вызвала рукопись. Ведь в России тема подготовки Сталина к наступательной войне вызывает едва ли меньше споров, чем тема Освободительной армии генерала Власова. Однако критичные историки молодого поколения были рады, ведь они могли почерпнуть из этой статьи ряд аргументов, которые поддерживали их позицию в ходе большой дискуссии в России.

Пробудившаяся в России потребность в прояснении власовской проблемы вызвала и соответствующий шаг со стороны Российского информационного агентства «Новости». Руководитель его германского отделения Владимир Милютенко попросил меня 1.2.1995 г. ответить на ряд тщательно сформулированных им вопросов, касавшихся подготовки Сталиным наступательной войны и темы создания Русской освободительной армии Власовым. Он написал мне, как сильно заинтересован в том, чтобы «по некоторым феноменам Второй мировой войны, которые для наших ученых были табу или остаются таковыми до сих пор», прозвучал и мой голос. Мои ответы были опубликованы в мае 1995 г. в форме интервью в популярной русской еженедельной газете «Голос. Свободная трибуна» (тираж 100 000 экземпляров) под благожелательным заголовком «РОА – «Третья сила» Второй мировой войны».

Тем самым я получил возможность ознакомить с результатами своих исследований широкую публику в России. Я указал на то, что Гитлер и Сталин в сговоре друг с другом в равной мере напали на Польшу, что Сталин готовил наступательную войну против Гитлера, которую тот опередил лишь ненадолго, что Сталин массовыми убийствами во Львове в июне 1941 г. начал войну на уничтожение, что Александр Солженицын оценил мою книгу, поскольку она, как и его «Архипелаг ГУЛАГ», поднимает вопрос о том, как случилось, что сотни тысяч советских солдат были организованы для борьбы против Сталина на германской стороне, и что, наконец, Власова следует рассматривать не как предателя, а как патриота.

Для русских читателей было, возможно, важно не столько лишний раз узнать, что я являюсь «научным директором Центра по военной истории во Фрайбурге», сколько то, как отмечалось в самом начале, что я «не привык исходить в своей работе из соображений политической конъюнктуры и скрывать от кого-либо неприятные факты». Мои «взгляды на многие феномены последней войны» были «постоянно предметом очень жарких споров среди российских коллег». Открытый язык в России, как известно, все еще лучше всего понимается и оценивается. И, как это уже сделал А. Юрасовский из «Отечественной истории», В. Милютенко из «Новости» также выразил 15.5.1995 г. свою готовность к дальнейшему сотрудничеству со мной.

Уже 21.10.1991 г. вновь созданная в Санкт-Петербурге Независимая гуманитарная академия направила Исследовательскому центру по военной истории формальное предложение, подписанное директором С.И. Богдановым и другими членами и заслуживавшее, по меньшей мере, рассмотрения. Ввиду возникшей в России мощной идейной борьбы эта структура выра-

зила готовность в первоочередном порядке и в краткий срок обеспечить перевод и квалифицированное новое издание моих книг «Die Ostlegionen», «Kaukasien 1942/43», «Deutsche und Kalmyken», «Die Geschichte der Wlassow-Armee» («Восточные легионы», «Кавказ в 1942–1943 гг.», «Немцы и калмыки», «История Власовской армии»). Издание в первую очередь последней работы в России имело бы, по оценке Богданова, «огромное значение – не только историческое, но и политическое». Единственным условием такого сотрудничества – и это понятно – должно было стать участие в типографских расходах, хотя и умеренное. Итак, заметный шанс пойти навстречу потребности общественности России в историческом просвещении.

И что же Исследовательский центр по военной истории? Ни одна из его публикаций не имела до сих пор такого резонанса, как эта книга. Однако центр, к которому я принадлежал 35 лет и который в любых других случаях отличался щедрым участием, не проявил интереса. Он не считал себя обязанным даже ответить на официальное доверительное предложение из России. Я сам был вынужден извиниться за это в Санкт-Петербурге. В рамках интервью с Кириллом Александровым, редактором вновь издаваемого Российским центром исторических исследований академии под руководством А.В. Терещука военного журнала «Новый часовой» (New Sentry. Russian Military Historical Journal, 1/1994), я смог указать его читателям хотя бы на некоторые аспекты моей «Истории Власовской армии», которая была представлена как «наиболее компетентная исследовательская работа» по этой важной теме.

Эта частная исследовательская работа была напечатана в 1984 г. по настоятельному пожеланию тогдашнего главы этого ведомства д-ра Хакля, в будущем бригадного генерала, в «малой серии» «отдельных публикаций» и переиздана в 1986 г. ввиду высокого спроса.

Негативная позиция MGFA в отношении петербургского предложения понятна ввиду неудачного в некоторых отношениях развития, которое претерпело это ведомство со времени своего создания как института, обязанного следовать научным традициям, под руководством полковника штаба д-ра Майер-Велькера.

То, что генерал Власов и организованное на немецкой земле Русское освободительное движение против Сталина тем временем менее, чем когда-либо, принадлежали к темам, с которыми бы MGFA хотел быть связанным, более чем ясно.

Определяющие силы в MGFA, которые принадлежали и к сторонникам подстрекательской выставки, направленной против вермахта и просто кишевшей ошибками и фальсификациями, не были заинтересованы в распространении исторической правды о генерале Власове и Русской освободительной армии. И когда я, ввиду стабильного спроса в стране и за рубежом, предложил в 1997 г. вновь издать мою книгу, для отказа были приведены финансовые основания. В этих условиях и поскольку нельзя было ожидать нового издания моей книги о Власове, я в 1998 г. считал нужным изъять у Исследовательского центра по военной истории «Историю Власовской армии», переданную ему в 1984 г.

1 сентября 2001 г. исполнилось 100 лет харизматичному русскому борцу за свободу генералу Андрею Андреевичу Власову. Вопреки собственным намерениям Гитлера, ему с помощью немецких друзей удалось во главе де-факто и де-юре независимой Русской национальной армии восстать против сталинской деспотии. Он не забыт сегодня в России – более того, как написал мне 7.7.1999 г. швейцарский военный историк Винцент Эртле, прекрасно знакомый с российскими реалиями, Власов в России, кажется, переживает «подлинный ренессанс». Следует указать и на предназначенную для широкого круга читателей содержательную книгу «Русская освободительная армия», изданную в Москве С.И. Дробязко в том же году в популярной Военно-исторической серии «Солдаты» издательства АСТ и прекрасно оформленную А.В. Карашуком, в основу которой легла и моя «История Власовской армии».

Издательство Langen Müller Herbig, обеспечившее удачное новое издание моей книги «Истребительная война Сталина», смогло оценить, какой исторический и политический материал содержит история Власовской армии и какой глубоко трагичный финал имела эта Осво-

бодительная армия. Голубой Андреевский крест противостоял Красной советской звезде! И если издательство вслед за красной книгой «Сталин» теперь выпускает голубую книгу «Власов», то я очень благодарен за это издателю, господину д-ру Герберту Флейснеру, и господину Рохусу фон Забюснигу.

Осень 2001 г.

Иоахим Гофман

1

Истоки РОА

Нападение Германии и ее союзников 22 июня 1941 г. поставило Советский Союз в крайне бедственное положение не только в военном, но и в политическом отношении, т. к. внутренние противоречия Советского государства, до сих пор существовавшие лишь в скрытом виде, враз неприкрыто вышли наружу. В условиях беспощадной системы надзора и террора эти противоречия, естественно, не могли проявиться в форме открытой оппозиции. Но там, где аппарат НКВД терял свою действенность, уже очень скоро обнаруживалась и непрочность идеологических основ советской власти. Сами советские люди своим поведением демонстрировали, что с пафосом восхвалявшиеся устои большевистской доктрины – монолитное единство советского общества, нерушимая верность Коммунистической партии и самоотверженный «советский патриотизм» [1] – не выдержали уже первого испытания на прочность. Так, жители территорий, оказавшихся под угрозой врага, не только оказали сопротивление приказам партийных и советских органов об эвакуации и уничтожении материальных ценностей, где только это удавалось [2] – подавляющее большинство населения даже встретило чужеземные войска явно благожелательно, по меньшей мере – что точно так же противоречило догме – с выжидательным любопытством и, во всяком случае, без ненависти. Неблагополучие на советской стороне еще сильнее бросается в глаза, если учесть непредусмотренное поведение солдат Красной Армии. Последним всегда внушали, что в бою у них остается лишь один выбор – победить или погибнуть. Третьего было не дано, ведь Красная Армия представляла собой единственные вооруженные силы, где уже простая сдача солдат в плен расценивалась как дезертирство и измена и подвергалась тяжелейшим карам [3]. Тем временем, вопреки всему политвоспитанию и всем угрозам наказания, до конца 1941 г. в плен немцам сдалось не менее 3,8 миллиона красноармейцев, офицеров, политработников и генералов, а в целом во время войны – около 5,24 миллиона. Население, встречавшее захватчиков дружелюбно и открыто, а не с ненавистью и враждой, миллионы красноармейцев, предпочитавших сдаваться в плен, а не сражаться до последней капли крови и умирать «за партию и правительство, за Советскую Родину, за товарища Сталина» – это был почти неисчерпаемый человеческий резервуар, который мог быть использован в целях ведения политической войны против советского режима.

Оставим фантазии вообразить, что произошло бы, если бы Гитлер вел войну против Советского Союза согласно пропагандистским утверждениям – как подлинно освободительную, а не как колониальную, захватническую и эксплуататорскую войну. Русский эмигрант, доверенное лицо адмирала Канариса и германского Абвера в российских вопросах, участник заговора 20 июля 1944 г., барон Каульбарс был лишь одним из тех, кто на основе своих знаний и опыта придерживался мнения, что в случае «создания русского национального правительства» основы советской власти, вероятно, зашатались бы [4]. «Власов, – утверждал и генерал-майор Хольмстон-Смысловский [5] вскоре после войны, – был продолжателем Белой идеи в борьбе за национальную Россию! Это было страшное явление, и оно таило смертельную угрозу. При других политических условиях и если бы немцы поняли Власова, то РОА только в результате своего возникновения, лишь с помощью пропаганды, без борьбы сотрясла бы до основания всю сложную систему советского госаппарата». Как заявил барон Каульбарс на допросе в 1944 г., «80 процентов» советских военнопленных можно было привлечь «в национальную русскую добровольческую армию в русской униформе для борьбы против большевизма». И в этом отношении он не был одинок. «Было время, – писали, например, Терновский и Бездетный, – в самом начале войны, когда почти все пленные были готовы сражаться с большевизмом даже в рядах германской армии» [6]. Генерал Власов и его ближайшие сотрудники, точно знавшие

положение дел в Советском Союзе, даже в 1943 г. еще были убеждены, что радикальное изменение курса германской восточной политики и в этот момент привело бы к падению сталинского режима [7]. Во всяком случае, достоверно известно, что Сталин ничего так не боялся, как создания альтернативного правительства на германской стороне. Лишь когда немцы не протянули руку русскому народу и не раз сознательно оскорбили его национальную гордость, это дало Сталину возможность со своей стороны поставить национальную идею на службу борьбе против угрозы своему господству извне. При помощи жестоких мер, – укажем лишь на расстрел командующего Западным фронтом генерала армии Павлова и генералов из штаба этого фронта – увязанных с ловко инсценированной пропагандистской кампанией, советское руководство сумело до некоторой степени восстановить подорванную мораль частей Красной Армии и хотя бы на время преодолеть кризис.

Даже если захватнические планы Гитлера и не позволили мобилизовать антисоветский силовой потенциал, это, с другой стороны, все же не означало, что тот остался вовсе неиспользованным. Русское движение сопротивления против Сталина, имевшее влиятельных сторонников и помощников, особенно в германском вермахте, медленно, но верно пробивало себе путь и в неблагоприятных условиях Германии, где правил Гитлер. Именно как признак его стихийной силы следует рассматривать тот факт, что оно, несмотря на почти непреодолимые препятствия, смогло развиваться в «Третью силу» [8] между Сталиным и Гитлером и после преодоления тяжелых неудач, в конечном итоге, и внешне обрело организованное выражение в лице Освободительного движения генерала Власова. Немцы воспрепятствовали созданию русского национального правительства, тем самым отсутствовали предпосылки для формирования русской национальной армии, то у желавших сражаться советских граждан – поначалу лишь у пользовавшихся предпочтением представителей национальных меньшинств и казаков, а после смягчения режима также у украинцев, белорусов и русских – оставался только один путь: вступить в «туземные части» (*landeseigene Verbände*), организуемые снизу германским армейским командованием, или в качестве «добровольных помощников» (*Hilfswillige*) в германские подразделения. Возникновение восточных легионов и восточных частей уже явилось предметом детального рассмотрения, и их история будет исследоваться и в дальнейшем. Здесь отметим лишь предварительно, что будущие добровольческие части в рамках германского вермахта в целом охватывали на 5 мая 1943 г. уже 90 русских батальонов плюс 140 частей силой до роты, 90 полевых батальонов восточных легионов и трудно обозримое число более мелких единиц, что в штате немецких частей имелось 400 тысяч (возможно, даже 600 тысяч) добровольных помощников, а кроме того, существовали некоторые более крупные соединения под германским командованием (1-я Казачья дивизия, несколько отдельных казачьих полков, Калмыцкий кавалерийский корпус) и, прежде всего, уже имелись в зачаточной форме русские национальные вооруженные силы под русским командованием, а частично и в русской униформе (РННА – Русская национальная народная армия, РОНА – Русская освободительная народная армия, бригада «Дружина», 102-й Донской казачий полк, Восточный запасной полк «Центр»), о которых в дальнейшем еще будет идти речь⁴.

Похоже, развитие событий с определенной последовательностью вело именно к тому, что Гитлер хотел предотвратить любыми средствами, – к созданию русского правительства (или русского политического центра) и к формированию подчиненной ему русской армии. Это было еще подчеркнуто публичным выступлением генерала Власова на немецкой стороне с сентября 1942 г., обращением якобы возглавлявшегося им «Русского комитета» в Смоленске в январе 1943 г., столь же широко распространенной «резолуцией 1-й антибольшевистской конферен-

⁴ По данным штаба генерала восточных войск, по состоянию на 5 мая 1943 г. всего насчитывалось 170 батальонов (дивизионов) и 221 отдельная рота, а также 1 казачья дивизия (в стадии формирования), 3 отдельных казачьих полка, Калмыцкий кавалерийский корпус и Восточный запасной полк.

ции бывших командиров и бойцов Красной Армии» [9] в апреле 1943 г. и – не в последнюю очередь – официальным использованием в это же время термина «Русская освободительная армия» (РОА) в качестве совокупного названия всех солдат русской национальности, организованных в какой-либо форме на германской стороне, в отличие от солдат национальных легионов из числа представителей национальных меньшинств. Извне не удавалось сразу разглядеть, что Гитлер считал ползучее формирование русского центра и русской армии достаточно опасным явлением, чтобы пресечь их появление еще весной 1943 г. Генерал Власов после своего открытого выступления в районе боевых действий германских армий на Востоке был вновь лишен политического влияния, «Русский комитет» и «Русская освободительная армия» оставались бессодержательными понятиями, и даже восточные войска, согласно вердикту Гитлера, должны были сохраниться лишь в безусловно необходимом объеме, но ни в коем случае не продолжать расширяться. Только благодаря сторонникам Власова в центральных ведомствах ОКХ – Главного командования сухопутных войск (отдел иностранных армий Востока, организационный отдел, генерал-квартирмейстер, генерал восточных войск), а также ОКВ – Верховного главнокомандования вооруженных сил (отдел военной пропаганды, разведка и контрразведка) удалось предотвратить самое худшее.

Под их защитой в лице «восточного батальона пропаганды особого назначения» (Ost-Propaganda-Abteilung z.B.V.) в Дабендорфе под Берлином сохранилась структура, которая в условиях наступающей вынужденной паузы могла относительно спокойно посвятить себя разработке хотя бы теоретических основ Освободительного движения и которая также готовила кадры будущей Освободительной армии. Правда, батальон, сформированный в феврале 1943 г., подчиненный в сложном сочетании отделу военной пропаганды (отд. IV) ОКВ, генералу восточных войск (добровольческих частей), а также отделу иностранных армий Востока в Генеральном штабе сухопутных войск, переименованный 17 мая 1944 г. в «добровольческий батальон пропаганды особого назначения» (Freiwilligen-Propaganda-Abteilung z.B.V.) [10], внешне считался подразделением германской армии. Но в действительности за этим названием скрывался идейный и организационный центр создания РОА, «сердце и душа Освободительного движения народов России», который при формальном германском контроле имел фактически автономный статус [11]. Между немецким штабом отделения и русским учебным руководством сформировались отношения, которые, даже по критической оценке русских, соответствовали отношениям между начальником гарнизона и командиром расквартированной в нем части, т. е. основывались на принципе разграничения интересов. Это благоприятное развитие объяснялось в первую очередь тем, что немецкий командир капитан Штрик-Штрикфельдт имел близкие личные доверительные отношения с генералом Власовым, а офицеры его штаба – заместитель, ротмистр барон фон Деллингсхаузен, немецкий руководитель обучения обер-лейтенант барон фон дер Ропп, офицер контрразведки барон фон Клейст и другие – проявили себя как убежденные сторонники немецко-русского сотрудничества и понимающие помощники Освободительного движения [12]. Когда в этом военном лагере в конце 1943 г. наряду с военным штандартом рейха был торжественно поднят и русский военный штандарт с голубым Андреевским крестом на белом фоне [13], каждый мог увидеть, что здесь стала фактом, по меньшей мере, удовлетворительная форма их сосуществования.

Согласно штатному расписанию военного времени, 21 немецкой офицерской штатной должности, занятым «высококвалифицированным» персоналом, противостояли соответствующие штатные должности для не менее чем 8 русских генералов, 60 штаб-офицеров и нескольких сот младших офицеров. До ноября 1944 г. за 10 выпусков через учебный центр прошли около 4–5 тысяч курсантов [14]. Помимо Дабендорфа, курсы пропагандистов РОА были организованы, в известной мере, в прифронтовой зоне – под руководством «высшего русского офицера-пропагандиста» при штабе группы армий «Север», уполномоченного генерала Власова в Балтийских государствах и в важной для РОА Псковской области полковника Позд-

някава (заместитель – капитан Залевский), а с начала июня 1944 г. и в Риге (отдел пропаганды «Остланд») [15]. Что касается участников курсов в Дабендорфе, то в значительной степени это были бывшие офицеры Красной Армии, которые либо уже принадлежали к восточным частям, находившимся под германским командованием, либо по собственному желанию попали в Дабендорф прямо из лагерей военнопленных, – но в последнем случае должны были пройти подготовительный курс, организованный при шталаге 3а в Лукенвальде, где полковник Поздняков (затем подполковник Власов) проверял их на пригодность [16]. Все курсанты были формально освобождены из плена [17]. Одеты в полевую серую униформу с погонами в стиле дореволюционной армии, украшенные бело-сине-красной русской национальной кокардой и эмблемой РОА на левом рукаве, они теперь имели статус регулярных солдат Освободительной армии. Начальником курсов [18] Власов назначил сначала генерал-майора Благовещенского, пожилого бывшего командира бригады советской береговой обороны, а с июля 1943 г. – генерал-майора Трухина, в Красной Армии – начальника оперативного отдела штаба Прибалтийского Особого военного округа (Северо-Западного фронта), превосходного командира, нажившего на создаваемую РОА свой совершенно особый отпечаток. Когда в ноябре 1944 г. Трухин был назначен начальником штаба Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (РОА), дабендорфские курсы, которые теперь, естественно, отчасти утратили свое значение, возглавил подполковник Пшеничный.

На основе первоначального опыта русское командование в Дабендорфе было организовано так, что, наряду с начальником курсов, имелись начальник учебной части полковник Спиридонов и начальник строевой части (сначала майор Стрельников, затем полковник Поздняков), который, в свою очередь, исполнял функции батальонного командира курсантов, разделенных на 5 рот [19]. Ведущими гражданскими преподавателями были Штифанов и Зайцев, которые в первую очередь ведали идейным противоборством со сталинизмом. Зайцев, подобно Трухину и некоторым другим, принадлежал к русской эмигрантской организации НТС (Национально-трудовой союз), политическому объединению, которое, находясь под влиянием русских философов Бердяева, Лосского, Франка, а также католического социального учения (солидаризм), пыталось соединить либерализм западного образца с умеренным государственным дирижизмом. Сторонникам НТС противостояла группа, объединившаяся вокруг Зыкова в «русской редакции» [20], издававшей газеты «Доброволец» (для добровольцев) и «Заря» (для военнопленных), – первые 33 номера совершенно самостоятельно, а последующие под немецкой цензурой. Различие между двумя направлениями состояло, видимо, в первую очередь в том, что первое преследовало более идеалистические цели, а второе – более материалистические. Зыков, как считается, по-прежнему находился в плену марксистских идей, хотя и он, разумеется, придерживался подчеркнуто национальной и антисталинистской позиции.

Хотя немцы теоретически контролировали и учебные программы, на практике дело обстояло так, что из трех больших групп тем, изучавшихся в Дабендорфе, – а) Германия, б) Россия и большевизм, в) Русское освободительное движение – под их определенным влиянием находилась только первая. Однако и русская сторона считала принципиально необходимым введение в исторические и политические условия Германии, т. к. лишь рейх активно боролся с большевизмом, и Освободительное движение получило возможность организоваться в политическом и военном отношении в этой стране. Тем временем германская проблема играла лишь подчиненную роль, акцент однозначно делался на темы, касавшиеся русских вопросов. Весь учебный материал был разработан персоналом дабендорфской школы и санкционирован комиссией из руководящих членов Освободительного движения. Тематами обучения были: история русского народа и развитие российской государственности; идеологический гнет в СССР; аграрная политика советской власти; рабочий вопрос и «стахановщина»; советская интеллигенция и культура; семья, молодежь, воспитание и образование в СССР; борьба советской власти с народом; экономическая политика советской власти; внешняя политика СССР; герман-

ско-российские отношения в прошлом и настоящем и, наконец, в третьем разделе – прежде всего идеи Русского освободительного движения в духе 13 пунктов Смоленского обращения 1943 г [21]. Отдельные темы, подробно рассматривавшиеся на лекциях, семинарских занятиях и в докладах, доводились до участников также в печатной форме, в «Библиотеке пропагандиста», которая выпускалась «Издательством пропагандистских курсов РОА».

Рука об руку с усилиями по подготовке квалифицированных пропагандистов идей Освободительного движения в добровольческих частях и лагерях военнопленных шла забота о формировании нового офицерского корпуса. Еще генерал-майор Благовещенский поручил разработать воинский устав РОА. После вступления в должность генерал-майора Трухина пропагандистские курсы приобрели строго военный характер. Была создана особая квалификационная комиссия для установления воинских званий, разработаны положения о повышении. Сами участники курсов были подчинены строгому распорядку. Обновлялись их военные знания, прочное место заняла строевая подготовка [22]. Генерал-майор Трухин особо заботился о возрождении русских офицерских традиций. Он лично читал лекции по таким темам, как «Что такое офицер?», «Офицерская этика», «Наследие Суворова». Что касается поведения, достойного офицера, то он на деле подавал наилучший пример. Генералы Власов, Малышкин и Трухин загодя приступили и к подбору подходящих командиров и штабных офицеров для задуманной ими Русской освободительной армии. Военнопленные представители командного состава Красной Армии, изъявившие готовность к службе в РОА, были стянуты в Дабендорф и начали здесь готовиться к своей будущей задаче.

Скрытно предпринятая подготовка принесла свои плоды, когда после встречи генерала Власова с рейхсфюрером СС Гиммлером 16 сентября 1944 г. и санкционирования германской стороной Русского освободительного движения нужно было быстро и в максимально возможных масштабах создавать РОА. Генерал Власов и вожди Освободительного движения, по видимому, в начале еще рассчитывали на то, что к лету 1945 г. будут иметь в своем распоряжении 10 пехотных дивизий, по меньшей мере 1 танковый полк, несколько запасных бригад или полков, офицерскую школу, вспомогательные части и соответствующие военно-воздушные силы [23]. По графику в январе 1945 г. должно было начаться формирование 3-й дивизии. Но дивизиями первой волны они ни в коей мере не считали исчерпанными свои возможности, т. к. в рамках вермахта имелись сотни тысяч, а с учетом солдат нерусских национальностей, возможно, 800 000 по-военному организованных добровольцев, изъятия и подчинения которых своему командованию Власов потребовал еще в своей беседе с Гиммлером 16 сентября 1944 г. Каким путем планировалось за короткое время сформировать из наличных или создаваемых частей армию, состоящую из трех армейских корпусов, показывает и основополагающая беседа Власова с командующим «1-й Русской национальной армией» (РНА) генерал-майором Хольмстоном-Смысловским. Как сообщает последний, Власов предложил слить РНА с РОА [24]. В этом случае Власов был готов назначить генерал-майора Хольмстона-Смысловского начальником штаба РОА, а генерал-майора Трухина – командиром 1-го корпуса РОА, сформированного из РНА. 2-й корпус должен был в этом случае состоять из 1-й и 2-й дивизий РОА, 3-й корпус – из Русского охранного корпуса и 3-й дивизии РОА⁵. Однако этот план не удался, поскольку Хольмстон-Смысловский придерживался иных военных представлений, а прежде всего потому, что он тогда считал, что освободительная борьба должна вестись как чисто военная акция и не увязываться с политическими требованиями Пражского манифеста. Власов считал также, что в любом случае может рассчитывать на кадровый резерв из 1,5 миллиона советских военнопленных и миллионов так называемых «восточных рабочих» в Герма-

⁵ Данное утверждение Б.А. Хольмстон-Смысловского выглядит весьма сомнительным, ибо находившееся в его подчинении 1-е восточное подразделение фронтовой разведки Генерального штаба ОКХ, именовавшееся в пропагандистских целях «1-й Русской национальной армией», было слишком малочисленным для развертывания корпуса. По самым оптимистическим оценкам, в его составе было не более 6 тыс. человек, в то время как в двух дивизиях РОА – до 30 тысяч.

нии [25]. Итак, личностные предпосылки выглядели в целом вполне благоприятно и теоретически достаточно для формирования около 30 дивизий. Во всяком случае, как верно считали Власов и Трухин, масштаб формирований зависел от наличия соответствующего количества офицеров, унтер-офицеров и прочих специалистов, а также в первую очередь от того, удастся ли в достаточной мере обеспечить части оружием, техникой и транспортом. 2 февраля 1945 г. Власов был вынужден признать, отвечая на соответствующий вопрос рейхсмаршала Геринга, что имеющегося командного персонала пока что достаточно лишь для формирования 5 дивизий [26], вследствие чего надлежало позаботиться об ускоренной подготовке офицеров в различных учебных заведениях и на сокращенных курсах.

Кажется несколько удивительным, что вожди Освободительного движения, несмотря на эти трудности, рассчитывали на наличие 10 дивизий уже летом 1945 г. – тем более что сам Власов еще год назад – в 1943 г. – выступал против поспешного формирования, т. к., по его мнению, «здоровым является лишь то, что развивается органично». В письме не названному по имени крупному германскому промышленнику от 16 августа 1943 г., которое, видимо, было передано и Гиммлеру, он выступил за тщательную подготовку сначала двух дивизий, которые затем должны были быть введены в действие неожиданно и целиком. [27] «Лишь если эти пробные дивизии оправдают себя, – сообщил он, – то можно перейти к формированию дальнейших дивизий». Так представлялось и Гиммлеру, когда он в своей беседе с Власовым 16 сентября 1944 г. согласился на немедленное формирование поначалу трех пехотных дивизий [28]. Перед своим представителем при Власове, оберфюрером СС д-ром Крёгером Гиммлер 8 января 1945 г. еще раз подчеркнул необходимость формировать Освободительную армию лишь «шаг за шагом» [29]. Так, по его мнению, «две первые дивизии должны прийти на фронт действительно солидно», и там им под командованием Власова должна быть предоставлена возможность показать себя в «хорошо продуманной акции» и глубоко воздействовать на противника, в первую очередь в пропагандистском отношении. Правда, уже формулировка «две первые дивизии» позволяет понять, насколько принципиально и Гиммлер был заинтересован в дальнейшем формировании. По его поручению д-р Крёгер в марте 1945 г. дал понять, что предусмотрено расширить Освободительную армию в ближайшем будущем до желаемых 10 дивизий [30]. Формирование 3-й дивизии к этому моменту действительно началось.

Уверенность Власова и его сотрудников в отношении организации их вооруженных сил находила разного рода выражение и в публичных заявлениях. В своей программной речи на митинге в берлинском «Доме Европы» 18 ноября 1944 г. Власов говорил о том, что «у нас есть все возможности для того, чтобы в кратчайший срок сделать из них (т. е. из Вооруженных сил народов России) лучшие части в отношении их боевой подготовки, их предназначения и их нестигаемого боевого духа» [31]. Столь же оптимистично выступил на пресс-конференции перед представителями германской и зарубежной печати 15 ноября 1944 г. начальник Главного управления пропаганды КОНР (Комитета освобождения народов России) генерал-лейтенант Жиленков [32]. Генерал-майор Трухин писал в привлекшей большое внимание статье в органе КОНР «Воля народа» 18 ноября 1944 г., что удастся создать вооруженные силы, способные разбить «военную машину большевизма» [33]. «Уже сегодня можно сказать, – отметил он, – что Красной Армии будут противостоять вооруженные силы, не уступающие ей ни в техническом отношении, ни по своей боевой подготовке, а в моральном отношении несомненно превосходящие ее, поскольку бойцы и офицеры освободительных вооруженных сил идут в бой во имя великой идеи освобождения Родины от большевизма, во имя счастья своих народов. Уже сегодня можно сообщить, что Вооруженные силы освобождения народов России, подчиненные главнокомандующему генерал-лейтенанту А.А. Власову, будут полностью самостоятельными, имея в своем составе все рода войск, необходимые для ведения современной войны и вооруженные по последнему слову техники».

Для наблюдателя-историка интересно рассмотреть вопрос о том, какие надежды на успех своих вооруженных сил еще питали в этой фазе войны вожди Освободительного движения. Наполнявшая их уверенность вытекала, в первую очередь, как показывают уже слова Трухина, не столько из реальной мощи соединений, сколько из политико-пропагандистской силы воздействия, которую они приписывали дивизиям РОА. Когда Власов в 1943 г. строил первые планы создания РОА, он, на основе своего знания ситуации в Советской армии, исходил из того, что уже «относительно небольшое применение силы» положит начало «эффективной подрывной работе в Красной Армии и ближайшем тылу». Тогда он заявил о своей готовности предложить «подробный план», чтобы «в относительно краткий срок ощутимо поразить, если не разбить» противника на фронте, столь чувствительном для его престижа, – под Ленинградом, в районе Ораниенбаума, Петергофа, Кронштадта [34]. Здесь не в последнюю очередь нашла отражение уверенность в тайных симпатиях к идее освобождения даже в рядах высшего офицерского корпуса Красной Армии, о чем говорил ранее, в декабре 1941 г., и генерал-лейтенант Лукин, военнопленный командующий 19-й армией и всей окруженной под Вязьмой группировкой. Власов в 1943 г. вызвался установить связи с единомышленниками среди «высокопоставленных командиров Красной Армии и деятелей советского правительства». Он не раз намекал на существование тайного «Союза русских офицеров». «С большим числом генералов, занимающих командные посты, я был дружен, – передает слова Власова его доверенное лицо Сергей Фрëлих. – Я хорошо знаю, как они относятся к советской власти. А генералы тоже знают, что я об этом осведомлен. Нам не надо будет друг другу ничего выдумывать». И по тогдашнему впечатлению д-ра Крëгера, «Власову и его людям было ясно, что мятежное настроение витает в воздухе [...] возможно, что они знали больше и молчали» [35]. Видимо, определенные ожидания в этом отношении еще имелись и в 1944 г. Так, считается, что Власов возлагал некоторые надежды на хорошо знакомого ему по прошлой службе, нынешнего командующего 2-м Белорусским фронтом, маршала Советского Союза Рокоссовского. Ведущий сотрудник Главного управления пропаганды КОНР излагал это так: «Когда я был в московской центральной тюрьме, Рокоссовскому сломали челюсть; думаете, он забыл это Сталину?» [36] В этом отношении, во всяком случае, бросается в глаза, что Рокоссовский в своих воспоминаниях «Солдатский долг», в отличие от других советских полководцев, полностью воздержался от высказываний по власовскому вопросу, даже негативных. А в 1-й дивизии РОА считали не случайностью, что адъютантом командира дивизии, генерал-майора Буныченко, был лейтенант Семенёв, якобы сын генерала из штаба 2-го Белорусского фронта [37]. Засвидетельствована загадочная история, когда генерал из Советской военной администрации в Германии после войны организовал расследование по поводу лейтенанта Семенёва, погибшего в мае 1945 г. в Богемии [Чехия. – *Прим. пер.*] при инциденте с СС и похороненного в Козоедах [38].

Однако оптимизм, демонстрировавшийся вождями Освободительного движения, казался бы мало понятным, если бы он вновь и вновь не подкреплялся определенными событиями. Так, например, уже в 1943 г. выяснилось, что противник проявлял заметную нервозность всякий раз, когда русские части приходили в боевое столкновение с Красной Армией. Примером того явилась в 1943 г. наступательная операция солдат бригады «Дружина» на центральном участке Восточного фронта. «Они наступали с криками «ура», – гласит донесение, – и как только красноармейцы заметили, что наступали русские, т. е. власовцы, они сдались» [39]. Сообщалось о примечательных событиях на участке 1-й казачьей дивизии (15-й казачий кавалерийский корпус), которая с 1944 г. сталкивалась в Югославии с советскими войсками. В казачьих рассказах заметное место занимает якобы произошедший перелет 6 советских самолетов под командованием майора, которые, убедившись в том, что имеют дело с казаками, атаковали соединение Тито, а затем приземлились в расположении дивизии под Беловаром в Хорватии. Говорят о том, что до октября 1944 г. перешли на сторону казаков не менее 803 красноармейцев. Казаки претендуют и на полное уничтожение советской 133-й гвардейской

стрелковой дивизии при Питомаче, к западу от Вировитицы, 25 декабря 1944 г., с соответствующим количеством перебежчиков, пленных и трофеев. [40] Во всяком случае, соответствует действительности, что 5-й Донской полк (пластунская бригада) во главе с полковником Кононовым и 6-й Терский полк во главе с подполковником принцем цу Зальмом в этот день при Питомаче, которая также подверглась штурму, вызвали «сильное замешательство» и «безрассудное» бегство среди советских частей, переправившихся через Драву, и захватили значительное количество вооружения, включая 5 орудий [41]. Многообещающе протекала и освещенная ниже наступательная операция ударной группы РОА во главе с полковником Сахаровым 9 февраля 1945 г. на Одерском фронте. Это первое неожиданное выступление части Власовской армии вызвало среди красноармейцев, как отмечено в одном немецком документе, «сильнейшее замешательство и сильнейшее изумление». Советские солдаты из трех различных полков были захвачены в плен или перебежали к власовским солдатам. Как явствовало из допросов, число пленных было бы наверняка еще выше, если бы красноармейцы не считали использование соотечественников на стороне противника военной хитростью немцев⁶.

Конечно, речь шла лишь об ограниченной операции, о «пробах наших сил», как выразился Власов, но не указывала ли реакция противника на то, что ничто не потеряно и ничто не запоздало? На Власова и вождей Освободительного движения такие события всегда производили глубокое впечатление. В Карлсбаде [ныне Карловы-Вары, Чехия. – *Прим. пер.*] 27 февраля 1945 г. Власов зашел настолько далеко, что утверждал, «что наши идеи бессмертны и что офицеры и солдаты Красной Армии на тех участках фронта, где им противостоят наши части, встречают офицеров и солдат РОА как кровных братьев и объединяются с ними для борьбы против большевизма» [42]. Неясно, правда, имели ли еще основания его ожидания, выраженные в этом обобщении. Но во всяком случае существовали признаки того, что постепенно можно будет перетянуть на сторону Освободительного движения хотя бы часть советских солдат, «наших братьев, одетых в красноармейскую униформу» [43]. Генерал-майор Трухин выразил эти ожидания такими словами: «Бойцы и офицеры Красной Армии, рабочие, крестьяне и интеллигенция советского тыла – это наши друзья. Зачастую они уже сегодня являются нашими единомышленниками, завтра они станут нашими братьями по оружию. Мы будем храбро, не на жизнь, а на смерть сражаться против Красной Армии, пока она выступает орудием в руках большевистских тиранов, но в каждом красноармейце и офицере мы видим нашего завтрашнего соратника».

Имелись и другие причины, побудившие Власова и вождей Освободительного движения к концу 1944 г. энергично взяться за формирование собственных вооруженных сил, сделать себя, как говорилось, «еще настолько сильными, насколько возможно, в военном отношении» [44]. Чем дальше продвинется на запад Красная Армия, тем быстрее, по их мнению, вскроются внутренние противоречия советского общества [45]. Не было ли поэтому, несмотря на все меры контроля и надзора, мыслимо такое развитие, которое после освободительных войн привело в армии императора Александра I к восстанию декабристов? После изгнания немцев и пересечения границ Советского государства значимость мотива советского патриотизма в Красной Армии должна была сильно уменьшиться. Ведь теперь красноармейцы могли собственными глазами увидеть условия жизни в других странах и тем самым сами определить, насколько картина тамошней ситуации, нарисованная советской пропагандой, соответствовала

⁶ Часть приведенных здесь фактов является не более чем пропагандистскими измышлениями, почерпнутыми автором из сомнительных источников. Бригада «Дружина» (1-я русская национальная бригада СС) никогда не воевала против Красной Армии на фронте, а использовалась исключительно в антипартизанских операциях, причем ее боевые качества были не на высоте. Случаи с перелетом на сторону казаков в Югославии 6 советских самолетов и переходом более 800 красноармейцев до октября 1944 г. берутся под сомнение самим Гофманом, тем не менее он приводит эти слухи в подтверждение своего тезиса. Между тем, первое боевое столкновение 1-й казачьей дивизии с Красной Армией имело место лишь 26 декабря 1944 г., а не 25-го, как пишет Гофман. В этом бою советская 233-я (а не 133-я) стрелковая дивизия действительно понесла тяжелые потери, однако отнюдь не была уничтожена.

действительности. И в этой ситуации частям Красной Армии должны были противостоять русские национальные дивизии, которые готовились использовать все мыслимые пропагандистские средства. Было запланировано «миллионами» разбрасывать листовки с Пражским манифестом над советскими войсками [46]. Власов был по различным каналам превосходно информирован и о движении сопротивления во вновь занятых Советской армией странах Балтии, в Белоруссии и прежде всего на Украине. 9 декабря 1944 г. он подробно изложил свою позицию по поводу борьбы Украинской повстанческой армии (УПА), где, даже согласно советской оценке, имело место не столкновение отдельных групп с советской властью, а противоборство «двух мировоззрений» при далеко идущей поддержке населения [47], чему удалось положить конец лишь в 50-е годы. Фактически советские войска в то время контролировали на Украине лишь «основные железнодорожные линии, сквозные магистрали и крупные города в течение дня» [48], остальная территория находилась в руках УПА, жертвой акций которой, как известно, стал в 1944 г. и командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин [49]. На соответствующий вопрос Власов заявил, что национальное восстание на Украине не может не оказать обратного воздействия на настроение советских солдат и что в то же время «манифест Комитета освобождения народов России [...] приобретает все большую известность среди красноармейцев, и это будет способствовать тому, чтобы понять цели освободительной борьбы, а тем самым и цели национальной борьбы всех народов, живущих на территории Советского Союза».

Оптимизм, вновь и вновь звучащий в подобных словах, становится совершенно понятным, если знать, что рассуждения Власова, его политических и военных сотрудников и некоторых посвященных немецких друзей давно уже выходили за рамки ожидаемого ими краха Германии и что они не рассматривали поражение Германии как конец Русского освободительного движения [50]. Согласно заметке грузинского политика-эмигранта Вачнадзе от 21 августа 1945 г., Власов объяснял ему 10 марта 1945 г., что предпримет все меры и направит все свои усилия на то, чтобы получить от немцев как можно больше средств для увеличения своих вооруженных сил, «которые мне понадобятся *завтра*» [51]. Поскольку русским союз западных держав с Советским Союзом всегда казался лишь вынужденным союзом, заключенным на время войны, они стремились создать как можно более боеспособную армию, которая в момент поражения Германии могла бы выступить в роли «третьей силы», которую они хотели спасти для послевоенного времени в качестве своего рода залога [52] и о которой они думали, что она неизбежно получит признание и у англо-американцев [53]. Здесь, конечно, скрыто коренное политическое заблуждение вождей Освободительного движения. Их доверие к демократическим западным державам может сегодня показаться наивным. Но позволительно спросить, действительно ли их наивность была больше наивности государственных деятелей США и Великобритании, которые после разгрома Германии надеялись на наступление эпохи мирного сотрудничества со сталинским Советским Союзом.

Вооруженные силы КОНР, возникшие при таких предпосылках к концу 1944 г., с самого начала вполне сознательно считали себя только «Русской армией» и, тем самым, «новым военным фактором» [54]. «Она (т. е. РОА) является национальной по форме, по своей сущности, по своим целям и по своему духу», – говорится в изданном в январе 1945 г. материале об «этике, облике и поведении солдат РОА» [55]. В качестве «законной наследницы лучших традиций русской армии» она, как было сказано, хотела «вывести принципы своего построения из традиций русского войска, стяжавшего многовековую славу». Генерал-майор Трухин потребовал 18 ноября 1944 г. сделать «тот здоровый патриотизм, на котором так сильно спекулируют большевики, подлинной силой» этих вооруженных сил. «Лишь честные патриоты, – говорил он, – могут рассматривать себя как наследников великих дел и воинской славы великих полководцев России – Петра I, Суворова, Кутузова, Багратиона, Скобелева и Брусилова». Целью их борьбы

было провозглашено воссоздание «национального русского государства», «не простое восстановление прошлого, а построение новой России, возрождение России на новых основах».

Примечания

1. Жилин П. Проблемы военной истории. С. 291, 289, 325.
2. Herwarth H. Russian Volunteers. S. 1.
3. Hoffmann J. Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion. S. 496. Anm. 29.
4. Выдержка из протокола допроса Каульбарса. // Spiegelbild einer Verschwörung. S. 425–429. О роли барона Каульбарса в абвере рассказал генерал-майор в отставке Хольмстон-Смысловский в беседе с автором в Вадуце 24.11.1981 г.
5. Хольмстон-Смысловский Б. Личные воспоминания о генерале Власове. С. 38; см. также: Souvarine B. Stalin. S. 621.
6. Терновский Ю., Бездетный Т. Лагерь надежд и раздумий. С. 28; Николаев А. Так это было. С. 267–268.
7. Steenberg S. Wlassow. S. 102; Gehlen R. Der Dienst. S. 101.
8. Казанцев А. Третья сила.
9. Резолюция, принятая 12 апреля 1943 г. на 1-й Антибольшевистской конференции бывших командиров и бойцов Красной армии // Заря, № 30, 18.4.1943.
10. Сообщения для командиров восточных войск особого назначения и штаб-офицеров местных вспомогательных сил, № 15. Генерал добровольческих частей при Генеральном штабе ОКХ, № 82 80/44 секретно, 23.6.1944. // Архив автора.
11. Освободительное движение народов России. С. 13–14. // ВА-МА. MSg 149/26; Схема расположения лагеря в марте 1943 г. ВА-МА. MSg 149/34; Поздняков В. Курсы пропагандистов РОА в Дабендорфе. С. 100.
12. Казанцев А. В Дабендорфе. // ВА-МА. MSg 149/52; Китаев. Русское Освободительное Движение. С. 56. // ВА-МА. MSg 149/8; Strik-Strikfeldt W. Gegen Stalin und Hitler. S. 104. Беседа автора с Штрик-Штрикфельдтом 30.5.1972 г. во Фрайбурге.
13. См. фото в кн. Поздняков В. Рождение РОА. С. 81.
14. Донесение лейтенанта фон дер Роппа о работе за ноябрь, 20.11.1944 (на нем. яз.). // ВА-МА. MSg 149/34.
15. Поздняков В. Рижские курсы. С. 192. О женской роте пропагандистов РОА во главе с М. де Смет, опекавшейся в Риге капитанами РОА Боженко и Будным, а также пропагандистом Полянским и затем переведенной в Дабендорф, см.: Женская рота пропагандистов РОА, 1946. (на нем. яз.). // ВА-МА. MSg 149/40; Усиление добровольческого батальона пропаганды особого назначения 1-й специальной ротой пропаганды (женской). Организационный отдел Генерального штаба ОКХ, № 11/85401/45, 5.2.1945 (на нем. яз.). // ВА-МА. RH 2/v. 921.
16. Поздняков В. Подготовительные курсы РОА. С. 31.
17. П.М. Я был пропагандистом РОА. С. 166.
18. Ромашкин А. Дабендорф. С. 88.
19. Пшеничный Г. Дабендорф. С. 61, 60, 86.
20. Китаев. Русское Освободительное Движение. С. 57. // ВА-МА. MSg 149/8.
21. Библиотека Пропагандиста, № 5, 15, 16, 17, 18. // ВА-МА. MSg 149/34. Там же хранится опубликованное в 1944 г. краткое изложение всех 28 тем раздела I «Германия», раздела II «Россия и большевизм», раздела III «Русское Освободительное Движение».
22. Поздняков В. Генерал-майор Федор Иванович Трухин. С. 250.
23. Нерянин-Алдан А. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия. С. 15. // ВА-МА. MSg 149/60; Кейдинг (Максимилиаг Прейс). Власовская армия. С. 6 (на нем. яз.). // Архив автора.

24. Хольмстон-Смысловский Б. Личные воспоминания. С. 30–31.
25. Нерянин-Алдан А. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия. С. 14. // ВА-МА. MSg 149/60.
26. Заметки оберфюрера СС д-ра Крёгера о беседе генерала Власова с рейхсмаршалом Герингом, 4.2.1945 (на нем. яз.). // Архив автора.
27. Письмо Власова неизвестному германскому промышленнику, 16.8.1943, Акты Гелена 6, Области и восточная политика, июль – август 1943 (на нем. яз.). // Архив автора. К группе известных руководителей экономики и промышленников, рано проявивших интерес к Власову, принадлежали, согласно Фрелиху (Рукопись. С. 22 (на нем. яз.). // Архив автора), Ганс Керль, Пауль Плейгер и д-р Карл Раше (Дрезднер Банк).
28. Strik-Strikfeldt W. Gegen Stalin und Hitler. S. 211, 214; Steenberg S. Wlassow. S. 158.
29. Заметки оберфюрера СС д-ра Крёгера о беседе с рейхсфюрером СС от 8.1.1945 (на нем. яз.). // ВА. NS 31/33.
30. Плюшов-Власенко Б. Крылья свободы. С. 94. // Архив автора.
31. Освободительное Движение – Воля Народов России. Речь председателя Комитета освобождения народов России А.А. Власова на торжественном митинге представителей народов России 18 ноября 1944 г. // Воля Народа, № 3/4, 22.11.1944.
32. Интервью, данное генералом Жиленковым иностранным корреспондентам. // Там же, № 1, 15.11.1944.
33. Генерал-майор Трухин. Вооруженные Силы Освободительного Движения. // Там же, № 2, 18.11.1944.
34. См. прим. 27; Кромиади К. За землю, за волю. С. 140.
35. Письмо Крёгера Стеенбергу, 7.12.1966. // ВА-МА. Sammlung Steenberg. См. S. 352.
36. Швеннингер Г. Дополнения. С. 3. (на нем. яз.). // IfZ.
37. Тайное намерение РОА. // ВА-МА. MSg 149/25.
38. Auský S. Vojska generala Vlasova. S. 81.
39. Бухардт Ф. 27.2.1966. С. 3 (на нем. яз.). // ВА-МА. Sammlung Steenberg.
40. Казачий корпус в Освободительном Движении (1941– 45 гг.). // ВА-МА. MSg 149/7; Схема разгрома 133-й гвардейской имени Сталина стрелковой дивизии в районе Питомача 25-го декабря 1944 года. // Там же.
41. Kalben H.-D. Zur Geschichte des XV. Kosaken-Kavallerie-Korps. S. 106.
42. Плюшов-Власенко Б. Крылья свободы. С. 90, 100. // Архив автора.
43. Бестужев. Непримириемость. // Воля Народа, № 1, 15.11.1944.
44. Бухардт Ф. 27.2.1966. С. 15 (на нем. яз.). // ВА-МА. Sammlung Steenberg.
45. См. также: Заметки о речи генерала Власова в феврале 1944 г. Штаб командующего Люфтваффе, отдел Ic (на нем. яз.). // ВА-МА. RL 2/v. 3058a.
46. Акция по использованию перебежчиков. Беседа у генерала добровольческих частей 7 января 1945 г. Организационный отдел Генерального штаба ОКХ, № П/70 404/45 секретно, 8.1.1945 (на нем. яз.). // ВА-МА. RH 2/v. 911.
47. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. С. 638, 595, 19–20.
48. Герварт Г. Германия и украинский вопрос. С. 12 (на нем. яз.). // Архив автора.
49. 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 399.
50. Нерянин-Алдан А. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия. С. 5–6 // ВА-МА MSg 149/60; Фрелих С. Рукопись. С. 24 (на нем. яз.). // Архив автора.
51. Беседа А.А. Власова с Д.В. Вачнадзе (по воспоминаниям последнего), 21.6.1945 // ВА-МА. MSg 149/48; Поздняков В. Андрей Андреевич как человек. // Там же.
52. Strik-Strikfeldt W. Gegen Stalin und Hitler. S. 220, 223; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 447.

53. Нерянин-Алдан А. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия. С. 12. // ВА-МА. MSg 149/60; Письмо Крёгера Стеенбергу, 28.12.1966 // ВА-МА. Sammlung Steenberg.

54. Наступающий год – год нашей победы. Интервью, данное генералом Власовым корреспонденту агентства «Transocean-Europa-Press». // Воля Народа, № 1 (14), 1.1.1945.

55. Воин РОА. С. 3.

2

Верховное командование и офицерский корпус. Размежевание с немцами

После того, как с сентября 1944 г. полным ходом развернулась подготовительная работа, 28 января 1945 г. РОА, которая теперь носила официальное название Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (ВС КОНР, Вооруженные силы КОНР) или, коротко, Вооруженные силы народов России, действительно появилась на свет. В этот день Гитлер назначил Власова «главнокомандующим русскими вооруженными силами и одновременно передал ему верховное командование над всеми вновь формируемыми и создаваемыми путем перегруппировки русскими соединениями» [56]. С 28 января 1945 г. РОА считалась Вооруженными силами союзного с Германией государства, соединения которой могли быть подчинены германскому вермахту лишь в оперативном отношении и временно [57]. Приказом № 1 от того же дня генерал-майор Трухин был назначен начальником штаба и заместителем главнокомандующего. [58] Генерал Власов, одновременно занимавший пост председателя КОНР, едва ли мог сделать лучший выбор. Происходивший из поместных дворян, студент Петербургского университета и офицер еще царской армии, Трухин в 30-е годы был профессором «тактики крупных войсковых соединений» Академии Генерального штаба Красной Армии и, как вспоминает генерал-майор Григоренко, являлся в то время, помимо военного теоретика Иссерсона, единственной «незаурядной личностью в Академии» [59]. Начало германско-советской войны застало Трухина, как упоминалось, начальником оперативного отдела штаба Прибалтийского Особого военного округа (Северо-Западного фронта). Талантливый, с глубокими военными знаниями, к тому же обладавший сильным характером и привлекательной внешностью, он принадлежал к наиболее примечательным личностям в Освободительном движении и стал подлинным вождем Освободительной армии. Едва ли менее заметен был его заместитель – полковник, затем генерал-майор Боярский, потомок украинского князя Гамалия, когда-то адъютант маршала Советского Союза Тухачевского⁷, выпускник Военной академии имени Фрунзе, попавший в немецкий плен, будучи командиром советской 41-й стрелковой дивизии [60]. Германский офицер из добровольческих частей полковник фон Хеннинг описывал его в 1943 г. как «чрезвычайно умного, находчивого, начитанного и много поездившего по миру солдата и политика». Боярский с самого начала относился к немцам как равный, требовательно и с такой прямоотой, что генерал-фельдмаршал Буш в июле 1943 г. снял его с поста «штабного офицера по обучению и обслуживанию восточных частей» при 16-й армии. Адъютантом так называемой командной группы армейского штаба был лейтенант Ромашкин, начальником канцелярии – майор Шейко, переводчиком – лейтенант Кубеков. «Верховное командование Вооруженных сил Комитета освобождения народов России», называвшееся в русскоязычной переписке «Штаб ВС КОНР» [61], фактически выполняло функции военного министерства.

Представление о масштабах его задач дает боевое расписание по состоянию на конец февраля 1945 г., которое приводится здесь впервые:

1. Оперативный отдел

начальник отдела – полковник Нерянин [62] (Нерянин, выходец из рабочей семьи, родился в 1904 г., с отличием закончил Военную академию имени Фрунзе и Академию Генерального штаба. Охарактеризованный по этому случаю начальником Генерального штаба Красной Армии, маршалом Советского Союза Шапошниковым как «один из самых наших бле-

⁷ Данные о княжеском происхождении Боярского и его службе в качестве адъютанта Тухачевского не соответствуют действительности. См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 81–82.

стящих армейских офицеров», Нерянин во время своей службы в РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия) был начальником оперативного отдела штаба Уральского военного округа и в ноябре 1941 г. попал в немецкий плен в районе Ржев – Вязьма, будучи начальником оперативного отдела штаба 20-й армии⁸);

заместитель начальника отдела – подполковник Коровин,
начальник 1-го отделения – подполковник Риль,
начальник 2-го отделения – подполковник Михельсон.

2. Разведывательный отдел

начальник отдела – майор Грачёв,
начальник отделения контрразведки – майор Чикалов.

3. Отдел связи

начальник отдела – подполковник Корбуков.

4. Отдел военных сообщений

начальник отдела – майор Кременецкий.

5. Топографический отдел

начальник отдела – подполковник Васильев.

6. Шифровальный отдел

начальник отдела – майор Поляков,
заместитель начальника отдела – подполковник Павлов.

7. Отдел формирований

начальник отдела – полковник Денисов,
заместитель начальника отдела – майор Никифоров,
начальник 1-го отделения – капитан Федосеев,
начальник 2-го отделения – капитан Демидов,
начальник 3-го отделения – капитан Козлов,
начальник 4-го отделения – майор Свириденко.

8. Отдел боевой подготовки

начальник отдела – генерал-майор Ассберг [63] (Арцезов, также Асбьяргас) (Ассберг, армянин по происхождению, родился в Баку, закончил Астраханское военное училище и в 1942 г. был полковником и начальником отдела автобронетанковых сил армии. Хотя ему удалось вывести подчиненные части из окружения под Таганрогом, он был приговорен к смерти, но затем вновь брошен в бой, где попал в плен)⁹;

заместитель начальника отдела – полковник Таванцев,
начальник 1-го отделения (обучение) – полковник Черный,
начальник 2-го отделения (военные школы) – полковник Денисенко,
начальник 3-го отделения (уставы) – подполковник Москвичёв.

9. Командный отдел

начальник отдела – полковник Поздняков [64] (Поздняков родился в 1901 г.¹⁰ в Санкт-Петербурге, в 1919 г. вступил в Красную Армию и после соответствующей профессиональной подготовки был начальником химической службы различных военных училищ, полков и дивизий. В 1937 г. был арестован и подвергнут пыткам, попал в плен в 1941 г. под Вязьмой, будучи начальником химической службы 67-го стрелкового корпуса.),

заместитель начальника отдела – майор Стрельников,

⁸ По другим данным, родился в 1902 г., в плен попал не позднее начала 1942 г., находясь в должности начальника оперативного отдела 52-й армии. См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 217–218.

⁹ По другим, более достоверным данным, В.Г. Ассберг (он же Арцезов, он же Ассбергянс) родился в 1898 г. в Таганроге, в 1916 г. закончил Астраханскую гимназию и Константиновское военное училище (ускоренный выпуск); в Красной Армии – с июня 1919 г. См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 77–79.

¹⁰ По другим данным – в 1902 г. См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 227–228.

начальник 1-го отделения (штабные офицеры) – капитан Калинин,
начальник 2-го отделения (пехота) – майор Демский,
начальник 3-го отделения (кавалерия) – старший лейтенант Ващенко,
начальник 4-го отделения (артиллерия) – подполковник Панкевич,
начальник 5-го отделения (танковые части, саперы) – капитан Корнилов,
начальник 6-го отделения (административные службы, санитарное дело) – майор
Панайот.

10. *Отдел пропаганды*

начальник отдела – полковник (позднее генерал-майор) Меандров [65] (Меандров родился в 1894 г. в Москве, происходил из семьи священника. Его отец, священник в церкви Св. Харитона в Москве, в 1932 г. был депортирован и погиб в ссылке. В 1913 г. Меандров закончил Алексеевское пехотное училище в Москве. Перед войной¹¹ был преподавателем тактики в Кремлевской пехотной школе, до 25 июля 1941 г. – начальник штаба 37-го стрелкового корпуса, а затем заместитель начальника штаба и начальником оперативного отдела 6-й армии. В немецкий плен попал под Уманью),

заместитель начальника отдела – майор Егоров,
инспектор пропаганды в частях – капитан Похваленский,
инспектор пропаганды среди добровольцев в соединениях вермахта – капитан Сопченко. Отделу пропаганды подчинялся ансамбль песни и пляски, а также оркестр.

11. *Военно-юридический отдел*

начальник отдела – майор Арбенин.

12. *Финансовый отдел*

начальник отдела – капитан Петров.

13. *Отдел автобронетанковых войск*

начальник отдела – полковник Антонов [66] (Антонов родился в 1898 г., выходец из семьи крестьян Тульской губернии. Попал в плен, будучи полковником и начальником отдела автобронетанковых сил армии),

заместитель начальника отдела – полковник Попов.

14. *Артиллерийский отдел*

начальник отдела – генерал-майор Богданов (Богданов был в Красной Армии генерал-майором и командиром дивизии),

заместитель начальника отдела – полковник Сергеев,
инспектор по обучению – полковник Кардаков,
инспектор по артиллерийскому вооружению – полковник Перхуров,
инспектор по стрелковому вооружению – подполковник Шатов.

15. *Отдел материально-технического снабжения*

начальник отдела – генерал-майор Севастьянов (он был в Красной Армии комбригом),
начальник отделения тыловых служб – полковник Сакс,
инспектор по продовольственному снабжению – майор Зелепугин,
инспектор по расквартированию – капитан Путилин.

16. *Инженерный отдел*

начальник отдела – полковник ...¹², заместитель начальника отдела – полковник Голиков.

17. *Санитарный отдел*

начальник отдела – полковник, профессор Новиков,
заместитель начальника отдела – капитан Трушнович.

18. *Ветеринарный отдел*

¹¹ Это было задолго до начала войны – в 1921–1924 гг. См.: Александров К.М. Указ. соч. С. 208–209.

¹² Эту должность занимал полковник Г.В. Яропуг.

начальник отдела – подполковник Сараев,
заместитель начальника отдела – капитан Жуков.

19. *Протопресвитер*

протоиерей Д. Константинов,

духовник штаба армии – протоиерей А. Киселев.

Армейский штаб к началу марта 1945 г. еще не был полностью укомплектован, но если провести сравнение, то численность служивших в нем офицеров соответствовала численности министерства рейхсвера в год его создания (1920 г.). Коменданту штаб-квартиры майору Хитрову подчинялся административно-хозяйственный отдел во главе с капитаном Шишкевичем, а также хозяйственная рота во главе со старшим лейтенантом Шарко. Охрана главнокомандующего КОНР и армейского штаба была возложена на батальон охраны во главе с майором Беглецовым. За личную безопасность Власова отвечал начальник охраны капитан Каштанов. Далее, при армейском штабе имелся офицерский резервный лагерь под командованием подполковника Мелешкевича с офицерским батальоном во главе с подполковником Голенко. Из прочих частей, находившихся в непосредственном распоряжении армейского штаба, имеется информация об отдельном строительном батальоне во главе с инженер-капитаном Будным, батальоне особого назначения штаба главнокомандующего, а также так называемых вспомогательных войсках [67]. Эти вспомогательные службы, созданные на основе технических подразделений во главе с полковником Яропутом и состоявшие из специального персонала и рабочих, по особому желанию Власова получили военный статус, хотя имелось стремление присоединить их непосредственно к КОНР в качестве своего рода технической аварийной службы. Начальником штаба вспомогательных войск был сначала инженер-подполковник Попов, а непосредственно перед окончанием войны – полковник Антонов.

Почти все названные здесь офицеры армейского штаба являлись бывшими генералами, полковниками и прочими старшими офицерами Красной Армии. Уже отсюда видна несостоятельность позднейшего советского утверждения, будто из-за отказа обладателей таких офицерских званий вступить в РОА офицерами были назначены некие анонимные изменники. Тот факт, что бывшие советские генералы и полковники, люди, когда-то принадлежавшие к «сталинской гвардии», «получавшие повышения и награды [...] и наслаждавшиеся всеми жизненными благами», занимали руководящие посты в Освободительной армии, как раз послужил в 1944 г. обвинением, с которым выступили перед Восточным министерством враждебные Власову круги национальных меньшинств [68]. Правда, наряду с офицерами из Красной Армии в РОА руководящие посты занимал и ряд представителей старой эмиграции. Власов, который хотел использовать политический и военный опыт этих эмигрантов, не раз высказывался за сотрудничество с ними и привлек некоторых из них и в свое ближайшее окружение. В этой связи можно назвать одного из его адъютантов – полковника Сахарова, сына генерал-лейтенанта царской армии К.В. Сахарова¹³, который когда-то был начальником штаба адмирала Колчака [69]. Полковник Сахаров участвовал в гражданской войне в Испании на стороне генерала Франко и, наряду с другим старым офицером подполковником Архиповым, в конце войны командовал полком в 1-й дивизии РОА. В качестве начальника своей личной канцелярии Власов избрал бывшего командира полка царской армии полковника Кромиади. Офицером по особо важным поручениям в армейском штабе был старший лейтенант Томашевский, юрист, выпускник Харьковского университета, отказавшийся от звания майора РОА во избежание обвинений в карьеризме [70]. Представители старой эмиграции встречаются в

¹³ Генерал-лейтенант К.В. Сахаров с апреля 1919 г. состоял при Верховном правителе России вице-адмирале А.В. Колчаке генералом для поручений, с мая того же года – начальником штаба, а с июня – командующим Западной армией (с июля – 3-я армия), с ноября – командующим Восточным фронтом.

Освободительной армии и на различных других постах. К Освободительному движению присоединились генералы Архангельский и фон Лампе, а также генерал Драгомиров и живший в Париже, признанный в разных странах военный писатель, генерал профессор Головин, который перед своей смертью успел разработать Устав внутренней службы РОА [71]. Начальником отдела кадров штаба вспомогательных войск был полковник царской и Белой армии Шоколи. Во главе Управления казачьих войск, созданного в 1945 г. при КОНР, встал атаман Донского войска генерал-лейтенант Татаркин. Атаман Кубанского войска генерал-майор Науменко, а также казачьи генералы Абрамов, Балабин, Шкуро, Крейтер и другие тоже выступили в поддержку власовского движения [72]. Генерал Крейтер, позднее главный уполномоченный КОНР в Остмарке [Австрия. – *Прим. пер.*], передал Власову и драгоценности, когда-то вывезенные из России армией генерала Врангеля для содержания своих частей.

Тем не менее эти и другие офицеры составляли в РОА лишь ничтожное меньшинство, так что уже в 1945 г. заговорили о сознательном отстранении старых эмигрантов. Так, в отрицательном отношении к эмигрантам обвиняют в особенности начальника штаба РОА генерал-майора Трухина. Например, он сначала отказал в просьбе генерал-майора Туркула о зачислении в армию, т. к. опасался связывать РОА с именем этого генерала, ставшего известным по Гражданской войне в качестве командира Дроздовской дивизии армии Врангеля [73]. Правда, в этой связи не следует забывать, что некоторые бывшие высокопоставленные офицеры, готовые вступить в Освободительную армию, выдвигали невыполнимые претензии и ожидали получить командные посты, как и было в действительности в казачьем корпусе, еще сформированном в 1945 г. генерал-майором Туркулом, а также в «1-й Русской национальной армии» генерал-майора Хольмстона-Смысловского, где командование находилось в руках старых эмигрантов, а бывшие советские офицеры получали только низшие посты. Следует также учесть, что отчасти уже постаревших офицеров, больше не находившихся на высоте развития тактики, удавалось устроить с трудом. Во всяком случае противоречие между старыми и новыми эмигрантами в РОА, наблюдавшееся и в других добровольческих частях, не удавалось полностью скрыть, как показывает в особенности случай с генерал-майором Пермикиным. Пермикин, штабс-ротмистр царской армии, создатель и командир проявившего себя в боях при Гатчине и Царском Селе в 1919 г. Талабского полка Северо-Западной армии генерала Юденича, в 1920 г. командующий 3-й армией генерала Врангеля в Польше, предоставивший себя в распоряжение Освободительной армии [74], был избран Власовым на роль старшего преподавателя тактики в офицерской школе. Однако в лагере 1-й дивизии РОА в Мюнзингене, куда он направился, его как «белогвардейского офицера» до такой степени подвергали личным оскорблениям, что в феврале 1945 г. он предпочел присоединиться к казачьему корпусу РОА во главе с генерал-майором Туркулом, как раз сформированному в Австрии.

Если назначение главнокомандующего и создание верховного командования характеризуют, по крайней мере внешне, завершение процесса приобретения РОА самостоятельности, то в двух столь важных учреждениях, как военное правосудие и военная разведка, проявилось, что Освободительная армия действительно вскоре зажила собственной жизнью. Правда, о военной юстиции имеются лишь отрывочные документы [75]. Но из них, во всяком случае, вытекает, что при армейском штабе был назначен главный военный прокурор и одновременно были предприняты усилия по созданию цепочки судебных инстанций «сверху донизу» и разработке, совместно с юридическим отделом КОНР, инструкций и предписаний для прокурорской деятельности и осуществления судебной процедуры. То, что Власов в своем качестве главнокомандующего являлся также высшим судебным чином РОА, было, не желая того, засвидетельствовано советской стороной, когда на московском процессе 1946 г. его обвинили в расстреле нескольких «военнопленных». Речь шла о следующем [76]: 6 военнослужащих Освободительной армии, приговоренных к смерти военным судом за шпионаж в пользу Советского Союза,

находились в апреле 1945 г. при штабе военно-воздушных сил РОА в Мариенбаде [ныне Марианске-Лазне, Чехия. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.